

ВРАСТАНИЕ В КУЛЬТУРНУЮ СРЕДУ

В.Г. Кузнецова в соответствии с установками Ленинградской этнографической школы была ориентирована на включенное наблюдение, считавшееся с 20-х годов XX в. наиболее эффективным методом ведения полевой работы. Этнограф отправлялся в поле, жил в сообществе аборигенов, наблюдал происходящее вокруг него и тщательно и максимально объективно фиксировал все, что он видел и слышал. Этот метод требовал полного вживания в изучаемую культуру. И В.Г. Кузнецова была готова, во всяком случае теоретически, к полному погружению в исследуемую ею среду, к своей вовлеченности в повседневные практики или, как она для себя это определяла, «вхождению в быт».

21 декабря 1948 г. <...> «По-настоящему этнографией еще не занималась. Приглядываюсь еще, вхожу в быт. Единственное, в чем я б[олее] или м[енее] преуспела — в освоении чукотской кухни. Кушаю все чукотские блюда [Кузнецова 1948–1951: 336].

Здесь В.Г. Кузнецова скорее шутит, она не только «кушает все чукотские блюда», но и доскональным образом фиксирует все, что связано с пищей и питанием. Практически с самого начала она «для себя постановила» — «с завтрашнего дня постараюсь точно записывать время приема пищи чукчами, какая еда и так на протяжении нек[оторого] времени» [Там же]. Свое «постановление» Варвара Григорьевна выполняла неукоснительно не некоторое время, а на протяжении всего пребывания в экспедиции. Вряд ли где еще можно найти более полное описание чукотских блюд, системы питания, распределения еды, принятых в этой сфере представлений, норм и запретов (рис. 95).

В технологии этнографического исследования употребление местной пищи — один из самых доступных на первых порах способов вживания в чужую культуру, значительно сокращающий дистанцию между исследователем и объектом исследования. И выбора здесь у В.Г. Кузнецовой не было. Откочевав от Ванкарема, она, разумеется, ела вместе с чукчами. Поначалу сохранялись остатки европейской еды, которые быстро растаяли.

Рис. 95. Приготовление чукотской каши из содержимого оленьего желудка. Молодая Тынэны и старик Тынагыргын руками едят сварившуюся кашу. Возвращение с ярмарки в кочевое стойбище. 15 сентября 1948 г.

МАЭ РАН. И 1454-394

12 сентября 1948. <...> Скушала кусочек холодного мяса, напилась чаю с сахаром. С момента кочевки с ярмарки чай пьем с сахаром, за общим столом с чукчами. Изредка кушаем булку, также делимся с чукчами (на всех выдали 4 шт[уки]) [Кузнецова 1948–1951: 334].

Оставался еще запас муки, из которой В.Г. Кузнецова пекла на нерпичьем жиру лепешки. Еда была как вполне съедобной с европейской точки зрения, так и весьма экзотической. Уже в первой дневниковой записи упоминаются свежая вареная оленина и вкусный бульон, «сухое мясо, внутренности и кровь», «листокваша» и «каша из кишок и крови». «Листокваша» — это, надо полагать, *вытвыт* — блюдо из вареного и растертого щавеля, а «каша из кишок и крови» — *питийигрилк'ырил* — блюдо из полупереваренного содержимого оленьего желудка, приготовленное с тонкими кишками оленя. Чтобы представить себе, что ела В.Г. Кузнецова во время своего пребывания в поле, приведу выдержки из ее дневников.

13 сентября 1948. <...> Варили кашу *ямгарэлкирэл* (на вкус хуже *питыйи* темно-красного цвета, а эта каша более жидкая и зеленоватая, в ней, видимо, только содержимое желудка оленя [Кузнецова, 1948–1951: 334].

17 сентября 1948 г. <...> Подала *листоквашу*, макали в *нерпичий жир*; печень, почки, нижние части ног все в крови. Пили чай. <...> Под вечер кушали вареное мясо (не свежее, но вкусное, напоминает копченый окорок) [Там же].

19 сентября 1948. <...> Сегодня мы взяли белой муки 4 кг, и Пенят пошла печь лепешки. Очень захотелось поесть мучного, подобное желание у меня было в пути с солью (путь — возвращение с ярмарки). Почувствовала сильную слабость от бессолевой пищи, а когда доставала из ящика лекарство для больной, обнаружила соль, и весь день мясо кушала с солью. Почувствовала возвращение силы и бодрость [Там же].

20 сентября 1948. <...> Едим мороженое мясо — *строганина*, тонко нарезанные кусочки макаем в *нерпичий жир* [Там же].

21 сентября 1948. <...> На ужин подали несвежую печенку (*понты*) и опаленный низ ног. Все в крови, мороженое,

желудок оленя мороженный, кушали, макая в нерпичий жир. Уакай эту еду доставала из нерпичьего мешка, руки почти по плечо были в крови [Там же].

22 сентября 1948. <...> Нам подали мороженую листоквашу, конечн[ости] ног в крови, моро[женое] мясо и чашку с тюл[еным] жиром (всё макали. [Там же].

26 сентября 1948. <...> Кушать меня с Пэглят пригласили к Тайю, подали кыкватол¹, замороженную (сладкую на вкус) кровь (макали в нерпичий жир) и сладкие замороженные коренья (недавно изъяли из мышинной норы, в норе бывает много кореньев), затем чай [Там же].

28 сентября 1948. <...> Кушала сырой мозг оленя (с солью), предложили обглодать ногу оленя (сырую, жилы), но я отказалась [Там же].

21 декабря 1948 г. <...> Омрытвал теперь у Тымнэнэнтына, заходили к ним, кушали головной мозг, Омрувакотгаут дала мне выпить глазную жидкость оленя. [Кузнецова 1948–1951: 336].

19 марта [1950 г.]. <...> Приехало много чукчей к Уваролт[ыну], жена его свежевала оленя, сварила мяса, гости глодали ноги оленя, дали и мне [Кузнецова 1948–1951: 343].

24 июня 1950 г. <...> Ятгыргын на улице глодал ногу, выбил костный мозг. Съели, так же и я, головной мозг. Обглодала ногу и я, так же Омр[ыятгаргы]н. [Кузнецова 1948–1951: 345].

С наступлением холодов значительная часть продуктов питания употреблялась в пищу в мороженом виде. Обычная еда зимнего и осеннего времени для первой половины дня — мороженое сырое оленьё мясо, мороженный тюлений жир, мороженая тухловатая кровь, разбитые молотком на куски, дополненные мороженой зеленью. Мясо рубили крупными кусками, лишь для стариков и гостей мясо рубили мелко — на крошки, могли и подогреть кусок мороженой еды у огня очага.

4 ноября 1950 г. <...> К завтраку рубленое мороженое легкое и немного морож[еного] мяса, а также кэмээрн²

1 Кыкватол — сушеное мясо морского зверя.

2 К'эмэйырын — блюдо из квашеных в тюленьем мешке листьев ивы.

с морож[еной] кровью, разрубленной на куски. <...> Еда — рубленая морож[еная] оленина, сырая [Кузнецова 1948–1951: 364].

5 ноября 1950 г. <...> Омр[увакат]гавыт подала еду: кэмээрн, летн[ую] морож[еную] кровь, кусок морож[еного] мяса. Мы втроем ели эту пищу. Старики кушали отдельно вечернее вареное мясо, также на огне поджарили почку [Кузнецова 1948–1951: 364].

7 марта 1951 г. <...> Завтрак обычный — кемеерын без мыткамыт и мутликийтытал — морож[еная] кровь, перемешанная с свежим морож[еным] мясом, то и другое рубленое.

10 февраля 1951 г. <...> Ко второму чаю для хозяев и Тымнелкота — в порошок изрубленное морож[еное] свежее мясо. Для нас второе кемены¹ — крупнорубленое свежее морож[еное] мясо, кэмэйырын с морож[еной] летней кровью (вилмутлимул) без мыткамыт — очень невкусен без нерп[ичьего] жира один кемеерын [Кузнецова 1948–1951: 368].

2 марта 1951 г. <...> Для старика также ножной костный мозг. Ногу оглодал вечером. После чая наш завтрак обычный — кемеерын с небольшим колич[еством] морож[еного] вилмутлимул, морож[еное] рубл[еное] мясо с морож[еной] рубл[еной] кровью. Тымн[энэнты]н один ел мелко рубленный морож[еный] паакат² [Кузнецова 1948–1951: 374].

Горячую пищу, в дополнение к мороженой, готовили обычно ближе к вечеру. Это в первую очередь каша из полупереваренного содержимого оленьего желудка, важным компонентом которой является свежая мороженная оленья кровь, а также, разумеется, вареная оленина. В обычные дни, когда не было гостей, оленей на пищу забивали мало и к мясу относились предельно экономно, существенной составляющей рациона были растительная пища и нерпичий жир. Рачительное отношение распространялось на все продукты питания.

1 К'эмэн'ы — деревянное блюдо для еды.

2 Паак'алгын (мн. паак'ат) — икра (ноги).

2 марта 1951 г. <...> Нам на ужин — 1) кэмеерын, куском подогретый у очага, резали в пологе ножом, с летн[ей] морож[еной] кровью, также куском подогретой у очага и разрезаемой ножом во время еды. И хозяйка ела с нами эту пищу. 2) очень немного вареного мяса, меньше, чем всегда [Кузнецова 1948–1951: 374].

2 февраля 1951 г. <...> На ужин каждодневно одинаковая еда — 1) ямгар[ылко]рил 2) кэмээр[ын] и немного морож[еного] мяса и морож[еного] нанкын¹ 3) немного вареного мяса [Кузнецова 1948–1951: 367].

4 марта 1951 г. <...> Старкик заворчал: «Каждый день едите кемеерын, что будете кушать весной, в тагрыты-ляма. Не будет ни кемеерын, ни вилмутлимул². Много едите. Можно ограничиться и одной ямгар[ылко]ри». Голодная, я перестала кушать зелень. Вскоре перестала и Омр[ывакыт]гав[ыт]. Лишь Омрыят[гыргын] с жадностью поедал зелень. <...> По словам Омр[ывакыт], гав[ыт] питыи р[ылко]рил самая сытная из их каш, кивлет³ и ямгар[ылко]рил не сытные, опять скоро захочешь кушать [Кузнецова 1948–1951: 375].

6 марта 1951 г. <...> Ятг[ыргы]н сварил густую кашу, много положив крови. Обычно, из-за экономии, крови кладут мало и каша бывает жидкой [Кузнецова 1948–1951: 376].

В.Г. Кузнецова проявляла полную всеядность, хотя желудок, не привыкший к чукотской пище, разумеется, поначалу болел.

«26 сентября 1948. <...> Часа через 2 Тымн[энэтын] и Айнэвтэгын ушли в стойб[ище] к Омрыквоту, и мы кушали одни — мороженое мясо и зеленые мороженые листья, перемешанные с нерпичьим жиром. Чай. То, что я дважды в один день ела мороженую пищу, не прошло бесследно» [Кузнецова 1948–1951: 334].

1 Н'анкын — желудок.

2 Вилмутлымул — квашеная кровь: блюдо, состоящее из квашеной крови, растений и жира.

3 Кивлэт — похлебка из оленьей крови и жира.

«27 сентября 1948. Встала очень поздно, все уже давно были на ногах. Часы остановились. Поставила произвольно на 10 утра. Больная, сильный озноб, болит тело (вчерашняя мороженная пища сказалась)» [Кузнецова 1948–1951: 334].

«10 октября 1949. <...> У меня впервые появились признаки заболевания пищевода. Сужение пищевода?» [Кузнецова 1948–1951: 334].

Несравненно более серьезной проблемой был не характер питания и связанные с ним временные нелады со здоровьем, а малое количество достававшейся Варваре Григорьевне пищи — хроническое недоедание¹. Дневник изобилует сетованиями на постоянное чувство голода. И это для человека, только что пережившего Ленинградскую блокаду, было ужасным испытанием, не только физическим, но и психологическим.

23 декабря 1948 г. <...> Мяса сварено было мало, т.ч. сытости я не ощутила [Кузнецова 1948–1951: 336].

26 ноября [1949 г.] <...> Пререм я съела вскоре после ее ухода с жадностью всегда полуголодного человека. Я всегда полуголодная [Кузнецова 1948–1951: 341].

27 ноября [1949 г.] <...> Пришел Ятгыргын, залез в полог. Сказал Тымнены, что он хочет кушать. Вышел в чоттаген и приготовил еду — кемеерын, морож[еную] кровь и морож[еное] мясо, тюл[ений] жир с кусочками нетопленого тюл[еньего] жира, и все — в большом количестве. Впервые за многие месяцы после принятия трапезы я не ощутила, что у меня пусто в желудке [Кузнецова 1948–1951: 341].

18 сентября 1950 г. <...> Совершенно не разрешим вопрос с питанием — я всегда полуголодная. [Кузнецова, 1948–1951: 358]

22 ноября 1950 г. <...> В течение дня, с 2-х ночи, собственно я ничего не ела. Утром за 2-мя чаями по маленькому кусочку мяса, днем ямга р[ылко]рил и больше ничего.

¹ По всей вероятности, именно хроническое недоедание было основной причиной трагической гибели в 1929 г. Н.А. Котовщиковой — руководителя Североямальской экспедиции Ленинградского университета [Пика 1989: 107].

Совсем не кушаю жиров. Кожа же я, одни кости, как скелет. [Кузнецова 1948–1951: 365].

1 января 1951 г. <...> Ужасное каждодневное страдание — я всегда полуголодная [Кузнецова, 1948–1951: 366].

5 марта 1951 г. <...> Хозяева, как и всегда, кушали хорошие жирные куски, мне — полусырую пленку мяса. Всегда полуголодная, истощенная, исхудавшая, наяву вижу кастрюлю с горячей кашей. Хлеб, картошка, каша, все равно что, лишь бы досыта поесть, не ощущать бы ежедневно полуголода. Моя жизнь у Тымн[энэнты]на хуже блокадного периода в Ленинграде, лишь бомбежек да обстрелов нет, а голод мой мучительнее блокадного [Кузнецова 1948–1951: 376].

11 марта 1951 г. <...> Возвращусь к себе на родину, приму нормальный образ жизни, отойду, отживу, и постепенно забуду черные стороны моей жизни у чукчей, главное — постоянный голод. Забылся же и сгладился голод Ленинградской блокады. Теперь же мучная каша мне кажется непередаваемо вкусной. Возвращусь домой, буду варить мучную кашу, — говорю я себе. И в блокаду было подобное. Наступит мирное время, все появится, первое, что я буду кушать, это пшеничную кашу с маслом и сгущенным молоком, — мечтала я после угощения такой кашей Ильей Михайловичем, начальником госпиталей блокадного Л[енингра]да, моим соседом по квартире [Кузнецова 1948–1951: 378].

Достаточно быстро стало очевидным, что имеющаяся экспедиционная одежда плохо соответствует суровому климату и чукотскому образу жизни с его длительными кочевками, требовавшими не только физической выносливости, но и подвижности.

14 ноября [1949 г.]. Очень длительная кочевка, с утра дотемна. <...> Ужасно устала, весь путь шла пешком, рырвенны¹ непослушен и упряма как осел. Оказалась последней в караване, потом переждал старик Рентуги и со своим

1 Рырвэнры — женский упряжной олень.

«обозом» последовал за мной. Дрянь старикашка, по-чукотски выразил свою злобу ко мне: заорал, конец коолчына¹ прижал ко рту, продолжал ругаться и кричать на меня по поводу того, что я отстала от идущих впереди меня. Выбиваясь из сил, увязая в глубоком снегу, я тянула за повод — коолчын — своего рырвенны. Безобразно тяжела моя одежда. Сбросила свой керкер², наступили морозы, а у меня до сих пор одинарный старый керкер. Одеда ватные брюки и ватник, танойгы коногты (нерпичьи брюки) и полушубок. Как многопудовый камень тяжела моя одежда. [Кузнецова 1948–1951: 341].

12 декабря [1949 г.] <...> Поверх керкера я одеда чук[отскую] женск[ую] камлейку, весь мой костюм очень тяжел и неуклюж, и я устала [Кузнецова 1948–1951: 341].

Осознав острую необходимость обзавестись традиционной чукотской одеждой, В.Г. Кузнецова обнаружила, что чукчи не спешат ей помогать. Она с трудом доставала шкуры на одежду (выменивала, покупала за деньги), пыталась с кем-нибудь договориться о шитье. Это вызывало недовольство, поскольку женщины с большими усилиями справлялись с обработкой шкур и пошивом одежды для себя и мужчин своей яранги. В.Г. Кузнецовой в полном соответствии с установками полевой работы приходилось самой обрабатывать добытые шкуры и шить себе одежду, раскроенную чукчанками. Эта работа была ей в тягость, и большим усердием В.Г. Кузнецова не отличалась, что раздражало чукчей, которым приходилось напоминать ей о необходимости самостоятельно обеспечить себя одеждой, как то и подобало женщине. Станным для них было и то, что В.Г. Кузнецова отдавала предпочтение не женской одежде — весьма неудобному в быту меховому комбинезону, а мужской одежде (меховым рубахе и брюкам) (рис. 96).

21 декабря 1948 г. <...> Сегодня дала пачку чая им и Чейвуне. Еще раньше дала Тын'эны 25 р. И просила шить

1 К'оолгын — узда оленьей упряжи.

2 Кэркэр — меховой женский комбинезон.

Рис. 96. Этнограф В.Г.Кузнецова, проведшая в стойбище Амгуэмской тундры три года (1948-1951 гг.). Одета в меховую одежду мужского чукотского покроя. Рядом с ней сидит чукчанка Пэнас, одетая в женский меховой комбинезон (кэркэр). МАЭ РАН. И 1454-295

мне плекыт¹ и женские памьт², до сих пор не сшили, все откладывают. У Чейвуны нет чаю, дала им чай, пообещала скоро сшить для меня обувь (чай плиточный в 250 гр. — 30-ти рублевый) [Кузнецова 1948–1951: 336].

2 января 1949 г. <...> Накануне дня перекочевки на это место Чейвуна наконец-то принесла мне новые плекыт, сшила-таки, сказав, чтобы я дала ей еще чаю (25 р., 1 плитку чаю за 30 р. дала до этого) [Там же].

20 января 1949 г. Уакай и Омрытвал в большом пологе шьют мне кэркэр [Там же].

1 Плекыт — короткие торбаза из оленьего камуса.

2 Памьят — чижы (чулки).

8 июня 1949 г. <...> Я разминала камус для своих торбаз [Кузнецова 1948–1951: 339].

16/VII [1949 г.] <...> Омр[увакотгау]т шьет мне летние торбаза кергыплекыт¹. [Там же].

10 ноября [1949 г.]. Мороз, а я в прошлогоднем керкере, без второго — нижнего, в безобразных торбазах. Вторую зиму мерзну. Левая щека в болячках, не пойму, обморозила ли или еще с ярмарки, когда в пути пила много болотной и речной воды. По-видимому, обмен веществ тому причина [Кузнецова 1948–1951: 341].

16 ноября [1949 г.] <...> Занималась «делом» — разминала ногами шкуру для своего керкера [Кузнецова 1948–1951: 341].

23 ноября [1949 г.] <...> Я решила «сдвинуть мертвый камень» — пошивку моего керкера — и обратилась с просьбой о пошивке к Тымлине и находящейся у них в яранге Тынетогеут, сестре Пелятгыргына и жене Тымнелъхота. Мне сказали, что сначала необходимо получить согласие главы — ичоча Тымнелъхота, отделившего своих оленей [Кузнецова 1948–1951: 341].

25 ноября [1949 г.] <...> Я и Эттыкутгеут долго не спали, она шила Тым[нененти]ну чижиз из мягк[ой] шкурки оленя, я — свои торбаза [Кузнецова 1948–1951: 341].

1 декабря [1949 г.] <...> Мороз, я мерзну в полушубке [Кузнецова 1948–1951: 341].

2 декабря [1949 г.] <...> С помощью Эттытваль я закончила свои торбаза: в этот вечер пришла сверху торбаз вышитую кайму, срезанную с моих летних кыргы-плекыт [Кузнецова 1948–1951: 341].

3 декабря [1949 г.] <...> Меня позвали к Чейвуне примерять мой керкер. <...> Керкер дошла наконец-то Чейвуна, но без воротника, лишь с маленькой каймой собачьей шкурки вокруг ворота. Я сделала ошибку, сказала Чейвуне не пришивать воротник из той шкурки собаки, что я ей дала, так как Омрытаген пообещал принести другую — черную шкуру, и Чейвуна значит[ельную] часть собачьей шкурки оставила у себя. Поверх ватных брюк и фланелевой рубахи я одела керкер (лишь в декабре) [Кузнецова 1948–1951: 341].

1 Кыргыплекыт, кыргыпчекыт — обувь домашняя, летняя.

15 сентября 1950 г. <...> За утренним чаем Тымн[энэнты]н сказал мне, что я совсем не думаю и не беспокоюсь, что скоро наступит зима — данные им две шкуры мне на одежду так и лежат никем не обработанные. Я сказала — Раглин'аут не сможет сделать? Хозяйка посмотрела на меня и ответила — конечно, нет, женщина одна, нет гипылына (женщины-работницы). Наша хозяйка и Раглин'аут — двоюр[одные] сестры (наувэл). Зная характер чукчей — не возражать, выказать послушание, я начала счищать мездру шкуры. Жарко, тяжело. Пришедший Номг[ыргын] заметил «нытэминныйгыт», я ответила «эткы, нылегтийгыт». Тымн[энэнты]н и Номг[ыргын] сказали — мэчынкы, но заметили, что шкура пересохла. Это было замечено весьма кстати, мне страшно хотелось прекратить мою работу [Кузнецова 1948–1951: 357].

19 сентября 1950 г. <...> Сегодня за утренним чаем Тымн[энэнты]н посоветовал сохранить до морозов мой нижний кэркэр и не носить пока (я одеваю уже оба кэркэра). А сейчас, пока нет морозов, носить старый кэркэр и вниз одевать ватник и матерчатые брюки [Кузнецова 1948–1951: 358].

9 октября 1950 г. <...> Вчера вечером принесла и отдала Рагтын'аут чайную из пластмассы чашечку, столовую ложку, семь иголок, наперсток. Ее девочке — две белые пуговицы, две булавки. Попрошу взамен камус на торбаза. <...> Омрытвал отдала десять иголок, наперсток, серьги, две пуговицы и две булавки. Попрошу кусок собачьей шкуры на отделку кухлянки [Кузнецова 1948–1951: 362].

16 октября 50 г. <...> Я шила начатые вчера торбаза и провозилась долго. <...> Пэн'эн'эут вблизи яранг рвет хворост. Подошла к ней, спросила, не раскроит ли мне меховую рубаху и штаны. <...> Зашла в ярангу Раглинаут. <...> Дала ей наперсток и восемь иголок и попросила пришить подошву к торбазам (подошву дала Етгэвыт). [Кузнецова 1948–1951: 362].

6 ноября 1950 г. <...> Утром из полога, я была в чоттагын, хозяйка сказала — почему не принесла шкуры и не начинаешь шить одежду, скоро наступят сильные морозы. Я пошла к своим вещам за бисером, иголками и пуговицами,

чтобы дать хозяйке — в ответ на ее слова о пошивке одежды. Достала из нарт мешок, где лежат «безделушки», темный бисер, красные и белые бусы, десять иголок. [Кузнецова 1948–1951: 364].

7 ноября 1950 г. <...> Сегодня в чоттагын Эттыкутгэ-выт раскроила мой ирын¹. При морозе в чоттагыне я начала шить [Кузнецова 1948–1951: 364].

8 ноября 1950 г. <...> Вечером и часть утра в пологе я шила свою мехов[ую] рубаху. Шью машинными нитками [Кузнецова 1948–1951: 364].

9 ноября [19]50 г. <...> Утром жирники погасили — экономят жир. Я осталась одна в пологе, приставила палку, приоткрыв чоургын, шила при бледном дневном свете свою мехов[ую] рубаху. Весь день пробыла в пологе, на улицу не выходила. <...> Мехов[ую] рубаху я почти закончила, остался один ворот. Вечером хозяйка раскроила мои верхн[ие] мехов[ые] штаны. Я начала шить. <...> Я сшила обе штанины своих мехов[ых] брюк, но шкурка маленькая и не хватает на все брюки. [Кузнецова 1948–1951: 364].

11 ноября 1950 г. <...> Хозяйка несколько раз говорила — если бы тебе шили кэркэр, теперь уже закончили бы. А кухлянку со штанами, да еще нужно то и другое нижнее, мы очень растянули. Об этом же сейчас она говорила в чоттагынэ Тынагыргыну. — Почему она не оденет кытэпирын (мой полушубок) как нижнюю меховую рубаху. — Тяжелый, — ответила хозяйка. Пожалуй, верно, из полушубка сделаю себе ниж[ние] мехов[ые] штаны [Кузнецова 1948–1951: 364].

28 ноября 1950 г. <...> Я же не спала совсем, всю ночь шила свои верх[ние] мехов[ые] брюки. Все время болят глаза, оба глаза гноятся, покраснели, воспалены. За эту ночь, проведенную без сна, при очень плохом свете, глаза окончательно воспалились, залиты кровью и гноем. Сидела в одном старом худом нижн[ем] кэркэре, т.к. верхний порезала и сделала мехов[ую] нижн[ую] рубаху. В пологе было очень холодно, я вся продрогла [Кузнецова 1948–1951: 365].

29 ноября 1950 г. <...> Согреть же чай Омр[увакат] гав[ыт] отказалась, я сама не могла выйти в чоттаген

1 Ирдын — кухлянка (верхняя и нижняя), одежда.

в старом нижнем дырявом керкере. Омр[увакат]гав[ыт] торопила с выходом из полога, т.к. уже собиралась снимать его для выбивания. Я стала одеваться — поверх нижн[его] керкера одела матерчатые брюки, полушубок без рукавов [Кузнецова 1948–1951: 365].

8 февраля 1951 г. <...> Всю зиму я ношу одну пару торбаз, плохо просыхаемые от постоянного употребления [Кузнецова 1948–1951: 367].

19 февраля 1951 г. <...> Сижу в пологе, а ноги мерзнут как на улице, хотя я уже обула торбаза. Большой палец правой ноги обморожен в январские морозы и первый чувствует холод. Все время прикладываю вату и бинтую, посылая обмороженное место стрептоцитом. Вата намокает и присыхает, видимо, есть гноевыделение [Кузнецова 1948–1951: 371].

Отсутствие необходимого количества и ассортимента качественной чукотской одежды преследовало В.Г. Кузнецову на протяжении всего пребывания на Чукотке и изрядно отягощали и без того непростые условия существования. До самого конца экспедиции вопрос с одеждой оставался неразрешенным. 10 июня 1951 г. она замечает: «К возвращению Чайвына в Ванкарем он уже издержал мои деньги на покупку продуктов и торбаз мне не купил. Я совсем без обуви, в одних чижках» [Кузнецова 1948–1951: 395].

Полная физическая включенность в изучаемую культуру обусловила немало специфических гигиенических проблем.

К такой особенности чукотской жизни, как грязь и всепроникающие вши, В.Г. Кузнецова была теоретически готова. Ей, конечно, были хорошо известны высказывания В.Г. Богораза: «Имейте в виду, <...> этнографом может стать только тот, кто не боится скормить фунт крови вшам. Почему скормить, спрашивается? Потому что узнать и изучить народ можно, только если живешь с ним одной жизнью. А у них вошь — довольно распространенное животное» [Гаген-Торн 1994: 51]. Действительность, я полагаю, сильно превзошла ее ожидания, и «непосредственное телесное переживание чужой культуры» [Кормина 2005: 60] в поле стало очень тяжелым испытанием.

11 сентября 1948 г. <...> Как я страдаю от вшей и грязи, до крови расчесываю тело. Во имя чего? [Кузнецова 1948–1951: 334].

18 ноября 1950 г. <...> Все тело чешется, как искусанное осами. От грязи, пота и от вшей [Кузнецова 1948–1951: 365].

20 ноября 1950 г. <...> Тымнэны у нас в пологе, на моем месте, в кинмэн, причесывается. Взяла гребень Омр[увакат] гав[ыт], свой утеряла. Раздается постоянный треск. На подносе такая масса вшей, а волосы еще короткие, нет косичек [Кузнецова 1948–1951: 365].

21 ноября 1950 г. <...> Ужасный мороз сегодня, от холода ломило ноги, руки, все тело. Все вещи — ночной горшок, чайники обжигали, как огнем, морозом. У меня заболели подушечки пальцев рук, как от ожогов. <...> Мороз и вши. В кинмен, в мои ноги каждый вечер складывают одежду молодежи, вишивую, и партиями вши переползают ко мне. Как захожу в полог, в тепло, вши хороводы водят на моем белье, в одежде и обуви. Ноги в кровь расчесаны, сил нет сдержать себя [Кузнецова 1948–1951: 365].

Вши и грязь были проблемой настолько острой, что именно об этом, а не о чем-нибудь другом В.Г. Кузнецова пишет и в последних строках своего дневника, на пароходе, отплавшем от чукотского побережья:

13 августа [19]51 г. <...> Я не могла уснуть, включила свет. Блаженствую — в чистой постели, чистое белье. Вши не кусают. Это неудобство отошло уже надолго [Кузнецова 1948–1951: 399].

Неизбежным следствием бытовых условий (грязь, холод, скученность людей в жилом помещении, плохое освещение) были проблемы со здоровьем, особенно мучили Варвару Григорьевну постоянно воспаленные глаза.

4 октября 1949 г. <...> Чем я заболела? «Ячмень» или рожистое воспаление? Вот ужас. То веко покраснело и вздулось, распухла щека, ударяет в висок [Кузнецова 1948–1951: 340].

11 ноября 1950 г. <...> Мой больной правый глаз было выздоровел, а дня 4 тому назад опять заболел. Правда не такое обильное гноевыделение, но все же есть, и покраснение глазного яблока. Опять начала капать капли утром и вечером. Просыпаюсь со слипшимся веком и плохо вижу. Каждодневный испуг — теряю зрение. Вчера обнаружилась новая болезнь — распух, покраснел и очень чешется безымянный палец левой ноги. Обморозила или пеллагра? Сначала боль не ощущалась, а только опухоль и зуд, сегодня чувствуется и боль, болезненный зуд. 29 октября в ночевку у Кааквургокая заболело левое ухо, шум и небольшая глухота, видимо, ушная сера скопилась. Неприятно отдавало в голову, в мозг. Сейчас почти не ощущаю шума, прошло. Вся я понемногу расклеиваюсь, не то, так другое начинает сдавать [Кузнецова 1948–1951: 364].

20 ноября 1950 г. <...> У меня опять заболели глаза. Просыпаюсь со слипшимися от гноя глазами. Вчера вечером зачесался левый глаз, а сегодня проснулась с гноящимся левым глазом [Кузнецова 1948–1951: 365].

22 ноября 1950 г. <...> У меня болят оба глаза, по утрам просыпаюсь со слипшимися от гноя глазами, оба глаза покраснели, и заметно ухудшилось зрение. У меня ведь было очень хорошее зрение. Это от слепых, еле мерцающих жирников [Кузнецова 1948–1951: 365].

10 февраля 1951 г. <...> Я больна, всю ночь на 10 февр[аля] стонала, просыпаясь от собств[енного] сто-на, горит все тело, голова, ломит кости, жар и озноб. Болит правая, вывихнутая вчера в колен[ном] суставе нога. Всю зиму страдаю воспалением глаз, а сейчас гноевыделение, краснота и вспухлость век увеличились. Просыпаюсь со склеившимися от гнойного выделения глазами [Кузнецова 1948–1951: 368].

Безусловно, придерживаться общепринятых норм гигиены в условиях чукотского кочевого быта и сурового климата было крайне затруднительно. Даже такие простые процедуры, как мытье, было доступно либо во время нечастого пребывания в поселке (в бане) либо в теплое время года в ближайшем водоеме. Чрезвычайно тяжелые условия существования (и физиче-

ские, и психологические) привели, очевидно, к тому, что В.Г. Кузнецова в какие-то моменты впадала в настоящую эмпатию, которая практически убирала культурную дистанцию между исследователем и объектом исследования.

29 апреля 1951 г. К базе Силаева подошли утром 1 мая, в 8 утра. <...> Любезный Силаев и в этот нас приход принял гостеприимно. Я попросила истопить баню. Горячая вода и мыло в моей кочевой жизни отсутствуют месяцами, поэтому я каждый раз, как удастся, попасть в оседлый поселок, блаженствую [Кузнецова 1948–1951: 403].

30 ноября 1949 г. <...> Я, в чоттагене, взяв из чайника кружку воды, вычистила зубы, совершенно почерневшие от табака и чая, и мокрой тряпочкой вытерла лицо [Кузнецова 1948–1951: 341].

26 июня 1950 г. <...> Взяла за правило, каждое утро умываюсь и полощу рот. [Кузнецова 1948–1951: 345].

27 февраля 1951 г. <...> После ее ухода я занялась своими зубами, почерневшими от крепкого чая и табака. Зубы чищу редко, уже на исходе зубной порошок, осталось с чайную ложку. Булавкой соскребла с передних зубов черноту [Кузнецова 1948–1951: 372].

1 марта 1951 г. <...> Сегодня сменила свои нижние конагты¹, — лыжные, уже вонючие, заменила другими, также не меховыми [Кузнецова 1948–1951: 374].

30 ноября 1949 г. <...> В чоттагене вдвоем с ней мы «вдоволь» наелись каши, кистью руки набирая кашу. Кушая р[ильке]риль в чоттагене, я пренебрегаю ложкой — горячая каша согревает руку [Кузнецова 1948–1951: 341].

Разумеется, и целенаправленное вживание в культурную среду и вынужденная, обусловленная полевыми условиями эмпатия не сделали В.Г. Кузнецову абсолютно «своей». Даже ее запах был фактором раздражающим.

13 марта 1951 г. <...> — От тебя плохо пахнет, — сказала мне Неутына, сидя по другую сторону костра, в ме-

1 К'онагтэ — штаны.

тре от меня. С лета я ношу лыжную рубашу, заскорузлую от пота и лоснящуюся от грязи, вонючую. Чукчи очень чуткие на запахи, как животные [Кузнецова 1948–1951: 380].

4 июля 1951 г. <...> Раглина, заходившая к матери, возвратилась к нам возмущенная. Вдвоем с ней были в чоттагене. — Как только я зашла в чоттаген, мать моя сморщила нос и сказала мне: Колё нытанниткакэн — От тебя пахнет запахом русских. А Каглё добавил: Конечно, запахнет, т.к. Раглина возится с бумагами, пишет. — Ужасно лживый человек этот Каглё. Единственное, что я делала, так это закуривала из твоей трубки и из твоего кисета, из которого действительно исходит запах русских. Этот кисет мне сшила Раглина из клетчатого красного холста, в к[ото]ром лежала пудра, и запах пудры до сих пор не исчез, хотя в кисете лежит табак [Кузнецова 1948–1951: 395].

Она оставалась носителем чуждой чукчам культуры, и чукчи подозревали, что определенные ее действия могли быть вредоносными (намеренно или ненамеренно).

В первую очередь это относилось к такому непонятному занятию, как постоянное ведение записей. Интересно, что чукчи видели в этом занятии одновременно и вполне профанные неприятности (от отвлечения от домашних работ до доносительства), и угрозы сверхъестественного характера. Не всегда приятно было чукчам и то, что сакральные действия также происходили на глазах постороннего наблюдателя. Это было практически неизбежно. Лишь в единичных случаях В.Г. Кузнецову просили выйти и не мешать.

10 августа 1950 г. <...> Вчера под вечер хозяйка затеяла разговор о том, чтобы я не сидела со свечей в чоттагынэ, когда все они ложатся спать. Мотивом выставила то, что к огню соберутся каляйнын (злые духи). Разговор же начал Тымнэнэнтын, спросивший меня, сообщала ли я русским о колдовстве Вэтгынлын и Эттытэгына, наславших смерть на Увакай (жену Тымнэнэнтына) и вселивших каляйнын в стадо Тымнэнэнтына (все лето стадо было очень беспокойно). Таких «колдунов» чукчи называют «уйвэл».

Про Вэтгынлын и Эттытэгын старик сказал, что они действуют совместно, приготовляя еду, в которую подмешивают мясо покойника (умершего старшего брата Эттытэгына), нытэкйччинкэт (нытэкичгинкаат) — делают колдовское мясо. Вот с этого-то разговора и перешли на то, что свет зажженной свечи привлечет в чоттагын каляйнын. Пиши днем — сказал мне Тымнэнэнтын [Кузнецова 1948–1951: 349].

19 августа 1950 г. <...> Омр[ыят]гыргын спит со стариками в новом большом пологе. Каждый вечер в пологе (в маленьком) я зажигаю свечу тайно от стариков. Они говорят — пиши днем, а вечером и ночью не зажигай свет, привлечешь злых духов — каляйнын [Кузнецова 1948–1951: 351].

21 апреля 1951 г. <...> Лежавший на шкуре в чоттагене Эттырултын, мотнув ногой в мою сторону, произнес: В праздник Килвэй они все пишут. Кунь, — поддержала его жена Чейвын'эвыт, злобно посмотрев на меня. Болезнь Тымнэнэнтына, его просьбы об удушении Эттырултын хотел обусловить нашими занятиями, обвинил нас в причине болезни старика, а тяжкие страдания Тымнэнэнтына привели его к просьбе об удушении. «Кэлвайми Ам Кэличитканат», — сказал он. Видимо, считают грехом в большой праздник Килвэй заниматься писаниной [Кузнецова 1948–1951: 390].

9 июля 1949 г. <...> После ужина они зашли в полог, Тымн[енэнтын] предупредил, что будет играть в бубен. Я осталась в чоттагене, вскоре, сначала Уакай, а потом Омр[увакотгау]т сказали мне, чтобы я вышла за тыттыль. Я сразу же исполнила их просьбу и сама вышла из чоттагена. Сижу у яранги, пишу [Кузнецова 1948–1951: 339].

Прямой упрек в злонамеренных колдовских действиях зафиксирован в дневниках лишь единожды. Как правило, чукчи не подозревали В.Г. Кузнецову в злонамеренности, но были весьма настороженны, поскольку полагали, что она своими неосторожными действиями по незнанию могла приносить вред. Проявлялось это, в частности, в отношении к лекарствам, которыми В.Г. Кузнецова пыталась врачевать чукчей.

10 июня 1951 г. <...> Пузырек из-под глазных капель я не выбросила, а отдала ребенку играть. Тымнекалечай-вын налил в пузырек воды. Боясь, что он будет пить, я предупредила его. В чоттагене сидели все. Мать, Ринтыне, закричала на сына: Опять что-то черно-колдовское, — осеклась, посмотрела на меня. А в день прихода Кыйтпынеут к нам, когда все собрались к Кооквыргыну на чай, вели разговор о всяких новостях и событиях, а также об умерших людях в этом году (жена Гувагыргына, жена Рентыгыргына Вутьгевыт), Кыйтпынеут сказала: А злые колдуны ньоратвакан (долго находятся) [Кузнецова 1948–1951: 393].

24 сентября [1950 г.] <...> От Номг[ыргына] привезли на нартах заболевшего Тымнэлкота. Прежняя болезнь — в колен[ном] суставе левой ноги. <...> Предложила намазать больную ногу наш[атырным] спиртом, а сначала сделать теплую ванну. Слышала, как об этом сообщил Чейвуне. Чейвуна ответила — теплая ванна приведет к дождливой погоде. Я молчу, больше не стану предлагать лечения [Кузнецова 1948–1951: 359].

9 марта 1951 г. <...> Я собралась сегодня идти к Гемын. <...> Еще в пологе, перед моим выходом, Омр[ывакыт] гав[ыт] спросил: Пойдешь к Гемын, опять понесешь свой мешок? И кружку возьмешь? — спросила хозяйка. — Она из нее там пьет чай, — за меня ответила Омр[ывакыт] гав[ыт]. — Это плохо, что ты одной кружкой пользуешься у нас — у нашего огня находясь, и у чужих — у другого огня. Опять Тымн[энэнты]н заболевает. Хоть протри хорошенько кружку, — сказала хозяйка. — Постоянно я вытираю кружку [Кузнецова 1948–1951: 378].

О ревностном отношении чукчей к своим сакральным предметам, желании оградить их от соприкосновения с чужаком говорит приведенная в дневнике история с охранителем Тымнэнэнтына, который какими-то образом попал в чемодан В.Г. Кузнецовой, где и был обнаружен. Вероятно, остроуту ситуации усугубляло то, что чукчи вообще подозревали, что ухудшение здоровья Тымнэнэнтына напрямую связано с длительным пребыванием в его яранге В.Г. Кузнецовой.

25 января 1951. <...> Я пошла по воду на озеро. В первый раз за много месяцев зимы увидела солнце, взошедшее низко у гор, ходила с мальчиком Омрыят[гыргын]ом. По дороге домой он мне сказал: Зачем ты взяла (украли) кэпролгын¹ Тымненентына? Несколько дней тому назад другой мальчишка Таеквын об этом же спрашивал меня, но я не придала значения. — Ты украли кэпролгын Тымненентына, об этом говорят все наши, и сегодня в пологе в присутствии Гемын и его жены опять говорили об этом же. Этот пустяк, казалось бы, взволновал меня и встревожил. Возведут в степень большого преувеличения этот маленький факт, и пойдет по стойбищам молва и пересуды обо мне. На прошлой стоянке были оставлены мои вещи, Ятгыргын пошел за ними, открыл мой чемодан и перерыл и пересмотрел его содержимое, и в чемодане увидел эту куклешку. Как она ко мне попала? Вероятно, я нашла ее на земле и положила к себе, не спросив никого, чья она, а затем и позабыла о ней. <...> Вскоре к концу чаепития я стала инициатором собственного самобичевания. В присутствии Тымн[энэнты]на и гостей — Кагле, Гемын и его жены, нашей хозяйки, Иноземцева, я повела такой разговор. Мне стало известно, что вы говорите о краже кэпролгын Тымн[энэнты]на мною, о том, что я взяла кэпролгын. — Да, сказал Гемын. — Что-что? — спросил Кагле. — Кэпролгын, повторила я. Кагле еще, оказывается, ничего не знал о кукле. — Куклу я не украли, теперь хорошо не помню, как она оказалась у меня, или я нашла ее на земле, или дали ее мне в начале моего приезда девочки Мемыля. Я не знала, что это кэпролгын, подумала, что детская игрушка. Тымн[энэнты]н со злым лицом грубо прервал меня, — Это мой кэпролгын, а не игрушка, мы его потеряли. Если ты не украли, почему же он оказался у тебя в чемодане? Знай впредь, что найдешь, спроси, чье это, чтобы не было потерь в нашем доме. Вот и все, я перестал сердиться на тебя и не стану больше ругаться из-за кэпролгына, закончил он [Кузнецова 1948–1951: 367].

1 Кэпролгын — амулет из кусочка нерпичьей кожи, окрашенной ольховой корой в красный цвет, в виде рыбы с дырочками-глазами.